

Михаил НЕСИН

ГАЛИЦКОЕ ВЕЧЕ В СОБЫТИЯХ 1187-1188 гг.

Несмотря на относительную изученность данных о социально-политическом строе Галицкой земли¹, многие – в том числе и ключевые – проблемы остаются спорными. Поэтому, обращаясь к проблеме галицкого вече в событиях 1187-1188 гг. стоит сделать несколько предварительных оговорок о том, что собой представляло тамошнее вече хотя бы по своему формальному составу.

По мнению большинства учёных, в галицком вече участвовали все свободные светские слои городского населения². Ныне принципиальное исключение составляют лишь позиции с одной стороны Т.Л. Вилкул, а с другой – И.Я. Фроянова и А.Ю. Дворниченко. Согласно Т.Л. Вилкул, вече по всей Руси, а стало быть, и в Галиче, уже в XI в. представляло собой совещание нескольких сотен представителей общественной элиты. При этом Т. Л. Вилкул в качестве аксиомы приводит тезис о повсеместной тесноте городских вечевых площадей³. Надо думать, она имеет в виду одну из существующих в историографии концепций топографии новгородской дворищенской вечевой площади, где будто бы помещались лишь 300-500 местных бояр⁴, хотя надо заметить, что сам автор этой концепции В.Л. Янин справедливо признавал формальное участие в вечевых собраниях всех свободных новгородцев вплоть до «черных людей»: несмотря на исключительную, по мнению ученого, роль новгородского боярства, небоярский люд формально участвовал в управлении государством, донося волю с предварительных районных собраний отдельных концов⁵. Кончанская же система была распространена по всей Руси⁶, так что какая бы то ни было топография городской вечевой площади определенно не должна являться безусловной причиной отсекаания известий о социальной активности незнатных слоев населения древнерусских городов. Известия же об участии в общественной жизни простых горожан Т.Л. Вилкул объявляет некими «книжными конструктами»⁷. Безосновательность и внутреннюю противоречивость этих построений убедительно показал П.В. Лукин⁸. Таким образом, вне зависимости от реального характера власти в домонгольском Галиче, нет оснований отрицать формального участия в государственном управлении и небоярских свободных слоев галичан.

Другую крайность являет собой позиция И.Я. Фроянова и А.Ю Дворниченко⁹ об общеволостном характере власти в домонгольской Руси в целом и в Юго-Западной (Галицко-Волынской) Руси в частности, при котором сами летописные «галичане»—вечники якобы представляли собой не только горожан, но и селян - всю «Галичкую землю». В качестве аргумента историки привели известие Ипатьевской летописи о битве на Калке 1227 г., в которой участвовали «галичане и волынцы киждо со своими князьми»¹⁰. При этом «волынцев» историки сочли представителями всей Волыни (а не только самого города Владимира-Волынского), автоматически приписав общеволостное содержание и понятию «галичане»¹¹, хотя сами в той же работе доказали патронат Владимира над его пригородами еще в XI в.¹² Что ж, по-видимому, здесь волынцы и вправду отождествлялись с Волынью (в иных случаях в летописях они значатся как «владмирци»¹³). Но поскольку «волынцы» упомянуты в контексте острого военного столкновения, то такое отождествление стоит понимать скорее не в социальном смысле, а в качестве выделения Волыни относительно прочих тогдашних государственных образований Древней Руси. Кроме того, как показал П.В. Лукин, вече в домонгольской Руси было по характеру власти городским, а вовсе не общеволостным органом, объединением «людей градских», что нашло отражение и в характере земского ополчения, преимущественно городского по своему составу¹⁴. Таким образом, галицкое вече следует признать состоявшим из всех светских свободных слоев галичан, а понятие «галичане» интерпретировать как горожане – жители Галича. Важно учесть, что вечниками на Руси являлись только «мужи» – главы семей, в противовес «детям», подчас вполне взрослым и боеспособным, но младшим мужчинам семьи, не достигшим ещё гражданского полноправия¹⁵. Учитывая это, перейдем к рассмотрению собственно интересующих нас событий.

В 6695 (1187) г., согласно Ипатьевской летописи, умирающий галицкий князь Ярослав Осмомысл «сзъва мужа своя и всю Галичкую землю, позва же и сборы вся (*белое духовенство – М.Н.*) и монастыря, и нищая, и сильные, и худыя и тако глаголяше, плачяся, ко всемъ, "отци, и братья и сынове! Се уже отхожу от света сего суетьного и иду к творчю своему. А сгрешихъ паче всихъ, якоже инъ никто не сгреши, отци и братья, простите и отдайти!" И тако плакашеться по три дни передо всеми сборы и передо всеми людми и повеле раздавати имение монастыремъ и нищим... И се молвяшетъ мужамъ своимъ "Се азъ, единою худою своею головою ходя, удержалъ всю Галичкую землю. А се приказываю место свое Олгови, сынови своему меншему, а Володимиру даю Перемышль". И урядивъ ю, и приводи Володимера ко хресту, и мужи галичкыя на семь, яко ему не искать подь братомъ Галича»¹⁶.

Ученые неоднократно отмечали нетипичный состав этого собрания, причем в большинстве своем явно рассматривали его как единое вече¹⁷. Однако текст летописи, на наш взгляд, склоняет к правоте А.В. Майорова, видевшего здесь двухступенчатую операцию – в общем, обычную для русских князей того времени раздачу «имения монастырем и нищим»¹⁸ и последующее легитимное вечевое собрание светских галичан, на котором, собственно, утверждалась судьба княжеского стола. Притом, галицкие «мужи» – вечники, по справедливому замечанию ученого, далеко не только бояре¹⁹. Слово «муж» в средневековой Руси обозначало главу светской свободной семьи²⁰. Другое дело, что не стоит галицких «мужей» – вечников отождествлять с князьими мужами²¹ (любопытно, что сам А.В. Майоров в тех же работах подчеркивает разницу между земскими «мужами» и князьими²²). Рассказывая о событиях 6662 (1154) г., та же Ипатьевская летопись прямо разделяет связанных с одним и тем же городом княжьих и городских вечевых «людей» как разные социально-политические категории, а еще для русского книжника XI в. было естественно разделять русских земских бояр и княжих дружинников при описании княжьего пира 6594 (996) г.²³ Да и в интересующих нас событиях 1187 г. галицкие князьи люди и вечники, согласно прямому указанию летописи, тоже исполняют разные функции: князьим людям Ярослав Осмомысл излагает свое решение о передаче сыновьям Галича и Перемышля, галицкие «мужи» – вечники целуют крест князю, соглашаясь с его решением передать галицкий стол сыну Олегу²⁴. Таким образом, галицкие вечники в то время прочно считались способными влиять на судьбу княжеского стола как отдельная сила²⁵. Это их качество стоит отметить особо. В этом плане не удивителен тот факт, что в 6734 (1226) и 6748 (1240) гг. именно земские бояре «галичстии», а не князьи мужи, будут определять судьбу княжеского стола²⁶. Князьи же мужи в событиях 1187 г. тоже играли важную роль, выступая в качестве посредников между князем и мужами галицкими: уже «урядивъ» с ними вопрос передачи стола потомству, князь вступает в соглашение с мужами галицкими²⁷. Показательно в этом плане выдвинутое последними год спустя обвинение своему новому князю Владимиру Ярославичу, что тот «думы (советы – М.Н.²⁸) не любящет с мужами своими»²⁹. По справедливому мнению исследователей, это было одним из основных критериев «не доброго» сосуществования князя и вечевых «мужей галичких»³⁰. Правда, вовсе не обязательно видеть в княжьих мужах земских бояр-думцев, как это обычно делается³¹. Князьи мужи, в отличие от мужей «галичких», и здесь князьи люди. Просто нелюбовь князя советоваться с ними как с посредниками между ним и земством автоматически означала и грубое пренебрежение к вечу. При-

чем подобная закономерность срабатывала не только в Галиче. В данном контексте А. В. Майоров справедливо привел в пример жившего еще в XI в. киевского князя Всеволода Ярославича³². Известно, что под старость этот князь пренебрегал старшей дружиной и любил «смысл» младшей, в силу чего земским «людem» не «доходити княже правды»³³. В этой связи не удивительно стремление галицких вечников сохранить советы князя с его приближенными в качестве необходимого инструмента для соблюдения вечевой законности³⁴. Столь же необходимым элементом, по-видимому, был и сам князь. Борясь с конкретными князьями, галичане никогда не ставили вопрос об упразднении самого княжеского стола³⁵. Важно и то, что судьбу княжения в 1187 г. решают именно вечники и княжьи люди, а не волостные представители «всей земли» Галицкой (последние присутствовали лишь при раздаче княжьего добра нищим и церкви³⁶). Их фактическое бесправие подтверждается и тем, как к ним обратился умирающий князь. Именно о них и о нищих князь говорил «сынове»³⁷ (употребленное тут же князем слово «братья», по верному наблюдению А.В. Майорова, на Руси применялось именно к горожанам-вечникам³⁸), «отци» же, разумеется, - бывшие здесь же представители всего белого и черного духовенства Галицкой земли, включая, естественно, и высших церковных иерархов³⁹. Причем «сынове» - волощане и нищие - лишь внимали князю: даже прощение за свои грехи как правителя он просил только у «братьев» - горожан и «отцов» - представителей духовенства⁴⁰. При этом непосредственно вопрос о судьбе княжеского стола решали именно светские городские категории: еще в 1096 г. русскими князьями считалось естественным утверждаться на княжение именно с согласия «градских» вечников⁴¹, а не волощан, русское же духовенство, судя по всему, вообще не считалось вечевой категорией и влияло на политику посредством вневечевых церковных соборов⁴².

Важно также отметить, что в 1187 г. галицкие вечники не представляли собой однородной социально-политической массы. Ведущую роль на вече играли земские бояре-вечники, уже в первой половине XIII в. фактически самостоятельно распоряжавшиеся местным княжеским столом. Так, в 6748 (1240) г., согласно недвусмысленному⁴³ известию Ипатьевской летописи, «*бояре же галичѣстии Данила княземъ собе называху а саме всю землю держаху*»⁴⁴. Разумеется, подлинного народоправства в таком городе быть не могло. Еще в 6734 (1226) г. узкосословное нежелание местных бояр вокняжения в Галиче Мстислава Удалого⁴⁵ считалось законным государственным решением. Правда, по мнению И.Я. Фроянова, А.Ю. Дворниченко, а также А.В. Журавеля, на галицкое боярство особо влияла внешнеполитическая нестабильность, делавшая местных общинных лидеров относительно неза-

висимыми от местного общества (не в пример якобы более демократичным Новгородской и Ростово-Суздальской землям)⁴⁶.

Последний тезис, на наш взгляд, требует некоторого уточнения. Внешнеполитическая нестабильность не могла не сказываться на упрочении положения местной знати. Но внешнеполитические отношения Новгорода и Северо-Восточной Руси с иностранными государствами тоже не являлись мирной идиллией. Кроме того, в основе социального расслоения городских вечников лежали естественные процессы общественного развития, сказывавшиеся по всей Руси, в том числе и в Волго-Окском междуречье, и в Приильменье⁴⁷.

Еще в 6684 (1176) г. само понятие «меншие»/«людие мезинии» служило в Северо-Восточной Руси прямым синонимом политического бесправия. Так, под 1176 г. противостоящие политике «старых» городов Ростова и Суздаля владимирцы фигурируют в Лаврентьевской летописи как «людие мезинии»⁴⁸. Как показал Ю.А. Лимонов, этот эпитет в данном случае включал весь город, «мезиний» относительно «старых» городов в регионе⁴⁹. Недаром летописец привел ясную аналогию с подчиненным положением «пригородов» по отношению к главным городам, а сам Владимир устами ростовцев и суздальцев назвал «пригородом»⁵⁰. Как всех горожан, включая бояр, порой обзывали «плотниками», «смердами», а то и вовсе «холопами-каменщиками»⁵¹, так и здесь слово «мезинии» подразумевало бесправие всего города, включая бояр. Показательно, что небоярские слои горожан–вечников уже тогда были символом политического бесправия⁵².

Не меньше господствовало на местном вече и боярство Новгорода. Еще межрайонная борьба 6623-6626 (1115-1118) гг. между Людиным и Неревским концами и Торговой стороной «оним полом» известна как межрайонная лишь по берестяным грамотам. Да и в них название городских районов даны без малейшего намека на их политическое влияние в межбоярской борьбе⁵³. В официальной же НЛ эти события под 6626 (1118) г. персонифицированы в лице новгородских бояр. Характерно и то, что разбиравший это дело Владимир Мономах вызвал в Киев именно все боярство⁵⁴. За осужденный князем Людин конец всецело понесли наказание кончанские бояре как фактически все решавшие⁵⁵. Таким образом, социальная неоднородность древнерусского общества существенно влияла на социальную организацию вече не только в Галиче, но и по всей Руси. Стало быть, и галицкое боярство нет нужды в этом плане считать исключением, тем более что откровенное лидерство галицких земских бояр на вече прослеживается и в XII в., несмотря на формальное участие в общественной жизни всего свободного светского населения Галича⁵⁶. Дело тут не в исключительном влиянии внешней угрозы или особой «боярской

кой Руси // Древнейшие государства Восточной Европы (далее – ДГВЕ). 2004. 3) Политические институты Древней Руси. М. 2006; *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь: Очерки социально-политических отношений в домонгольский период. Князь, бояре и городская община. СПб., 2001 и др.

3. *Вилкул Т.Л.* 1) Віче в Давній Русі у другій половині XI-XIII ст. 2001. Автореф. дис. канд. іст. наук. НАН України. Ін-т історії України. Київ, 2001. С. 10; 2) «Людьє» и князь в конструкциях летописцев XI-XIII вв. Киев, 2007. С. 221.

4. *Янин В.Л.* Таинственный XIV век // Знание – сила. 1969. № 7. В настоящее время эта точка зрения не единственная. См., напр.: *Андреев В.Ф.* О социальном составе Новгородского веча // Генезис и развитие феодализма в России. Проблемы истории города. Межвуз. сб. / Под ред. И.Я. Фроянова. Л., 1988. Многие аргументы В.Ф. Андреева тоже неоспорны, на что указывают и те авторы, которые сходно оценивают состав новгородского городского веча (*Лукин П.В.* Зачем Изяслав «възгони торгъ на гору»? К вопросу о месте проведения вечевых собраний в средневековом Киеве // СР Вып. 7. С. 51). Кроме того, Ярославов или «княжий» двор, вопреки В. Ф. Андрееву, простирался не только между готским и немецким дворами, но и к западу от храма Святого Николая («Святого Николы»), где В. Л. Янин локализовал вечевую площадь (см., например, известие Летописи Авраамки о случившемся в 6970 (1462) г. пожаре на княжьем дворе у собора Святого Николая «на берегу»: ПСРЛ. Т. 16. М., 2000. Стб. 206. Разумеется, тут имеется в виду именно берег Волхова, расположенный к западу от собора). Очевидно, именно дворищенский участок берега Волхова упомянут в Новгородской Первой летописи как «княжаньский берег» (Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов (далее – НЛЛ). М., 2000. С. 397-398) в ходе описания пожара 6911 (1403) г. Тем более, что, судя по контексту известия, этот район соседствовал с готским двором, вместе с которым чудом «не горе» в охватившем значительную часть Торговой стороны сильным пожаре. Таким образом, изыскания В.Ф. Андреева тоже не закрывают проблему, но и выводы В.Л. Янина пока рано считать окончательными (да ещё и априори переводимыми в разряд общерусских реалий), не учитывая при этом контраргументы его оппонентов.

5. *Янин В.Л.* Раскопки в Новгороде // Средневековый Новгород. М., 2004. С. 80. О формально общегородском характере веча см. его же: К хронологии Новгородских актов Василия Тёмного // Археографический ежегодник. М., 1981. Собственно, новгородское вече даже официально считалось не только объединением всех вечников, но и федерацией «пяти концевъ»; *Петров А.В.* От язычества к Святой Руси. Новгородские убоицы (к изучению древнерусского вечевого уклада). СПб., 2003. С. 37.

6. *Арциховский А.В.* Городские концы в Древней Руси // Исторические записки (далее – ИЗ). М., 1945. Т. 16. К этому склоняет и сам контекст известий о русских концах (*Петров А.В.* От язычества к Святой Руси... С. 34-36).

7. *Вилкул Т.Л.* 1) Віче в Давній Русі...; Летописные «бояре» и «чернь» на вече (XII-XIII вв.) // СР. Вып. 5. М., 2004; 2) «Людьє» и князь...

8. *Лукин П.В.* Деконструкция деконструкции. О книге Т. Л. Вилкул по истории древнерусского веча [Pavel V. Lukin, *Deconstruction of Deconstruction.* About the Book by Tatyana L. Vilkul on the History of the Old Rus' Veche (Political

Assembly)] // *Scrinium*. Т. 4: *Patrologia Pacifica and Other Patristic Studies* / Edited by V. Baranov and B. Lourie. СПб. Axioma, 2008.

9. В работах А.В. Майорова галицкое вече все же в целом предстает по характеру власти не общеволостным, а городским органом: *Майоров А.В.* 1) Бояре и городская община в Юго-Западной Руси в событиях 1187-1190 гг. (к проблеме внутриобщинных отношений в домонгольский период) // *Средневековая и Новая Россия*. Сб. статей к 60-летию профессора И.Я. Фроянова / Отв. ред. В.М. Воробьев, А.Ю. Дворниченко. СПб., 1996; 2) О составе участников древнерусского вече (по материалам Новгорода и других регионов Древней Руси) // *Петербургские чтения*—96. СПб., 1996; 3) *Галицко-Волынская Русь...* С. 36. Такое развитие взглядов на русское вече характерно и для других представителей «школы И. Я. Фроянова»: *Кривошеев Ю.В.* Русь и монголы. Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII-XIV вв. СПб., 2003; *Петров А.В.* От язычества к Святой Руси... Важно при этом учесть, что для А.В. Петрова вече в городе — это, прежде всего, соглашение собственно городских концов. Кончанскую систему ученый рассматривает как общерусскую (там же. С. 34-36). Не совсем, правда, ясна позиция исследователей Юго-Западной Руси С.С. Пашина и Т.В. Беликовой (что объяснимо особенностями избранной ими темы), но, судя по статьям этих ученых, и они вече в целом воспринимают как орган власти города, а не всей волости (*Пашин С.С.* Галицкое боярство XII — XIII вв. // *Вестн. ЛГУ*. Сер. 2. 1985. Вып. 4; *Беликова Т.В.* Княжеская власть в Галиче времен Ярослава Осмомысла // *Вестн. ЛГУ*. Сер. 2. 1990. Вып. 3).

10. *Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю.* Города-государства Древней Руси. Л., 1988. С. 154-155. ПСРЛ. Т. 2. М. 2000. Стб. 741.

11. *Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю.* Города-государства Древней Руси. С. 154.

12. Там же. С. 121.

13. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 239, 245, 717, 719. Собственно, слово «волынцы» упомянуто в летописи лишь один раз, больше обобщающих наименований жителя Волыни летопись не приводит.

14. *Лукин П.В.* 1) Древнерусские «вои» в начальном летописании // *Древняя Русь*. Вып. 5. М., 2005; 2) Вече, «племенные» собрания и «люди градские» в начальном русском летописании // *СР*. Вып. 4. М., 2004; 3) О так называемой многозначности понятия «вече» в русских летописях. Домонгольское время // Неисчерпаемость источника. К 70-летию В.А. Кучкина. М., 2005; 4) О социальном составе новгородского вече XII-XIII вв. по летописным данным // *ДГВЕ*. 2004 г. М., 2006; Вече: социальный состав // *Горский А.А., Кучкин В.А., Лукин П.В., Стефанович П.С.* Древняя Русь: очерки политического и социального строя. М., 2008.

15. *Майоров А.В.* 1) О составе участников древнерусского вече...; 2) *Галицко-Волынская Русь...* С. 271-274.

16. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 656-657.

17. Историографию данного вопроса см.: *Майоров А.В.* 1) Бояре и городская община... С. 227; 2) *Галицко-Волынская Русь...* С. 265. Особо яркое выражение вышеуказанное мнение нашло в работах В.Т. Пашуто. См., напр.: *Пашуто В.Т.* 1) Черты политического строя древней Руси // Новосельцев А.П.,

Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. и др. 2) Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 11-14.

18. О происхождении и проявлении в других древнерусских землях подобной традиции см.: *Фроянов И. Я.* Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980. С. 137-148. В то же время весьма важно заметить, что при всей своей архаичности данная традиция в известной степени сохранялась и много сот лет спустя, когда уже не могло быть речи о какой-либо «общинности без первобытности»: *Пашуто В. Т.* Отзыв о монографии И. Я. Фроянова «Киевская Русь. Очерки Отечественной историографии» // Средневековая и Новая Россия. С. 769 (впервые эта рецензия была опубликована в № 9 журнала «Вопросы истории» за 1982 г.). В этой связи не удивительно, что уже в XII в., проявляя древнее нищелюбие и раздавая средства на помин души, князь выступает отнюдь не как первый среди равных в окружении нищих и духовенства (даже последнее не было допущено к решению самого вопроса о передаче галицкого княжения).

19. *Майоров А. В.* 1) Бояре и городская община... С. 227; 2) Галицко-Волынская Русь... С. 269. Сходно слово «муж» трактует и П. С. Стефанович: *Стефанович П. С.* Отношения князя и знати... С. 143.

20. Историографию данного вопроса см.: *Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю.* Города-государства Древней Руси. С. 140. Такое значение понятие «муж» имело по всей Руси. В новгородском летописании под 6736 (1228) г. известен «муж» — щитник (дискуссию о социальном статусе Микифора-Щитника см.: *Лукин П. В.* О социальном составе... С. 185-186). В этом плане едва ли прав Н. Ф. Котляр, в корне противопоставляющий земское галицкое боярство вечу и наоборот (*Котляр Н. Ф.* Князь, бояре и вече...).

21. *Майоров А. В.* 1) Бояре и городская община... С. 227; 2) Галицко-Волынская Русь... С. 269. Смешивает княжих и земских «мужей» в данном случае и П. С. Стефанович (*Стефанович П. С.* Отношения... С. 205).

22. *Майоров А. В.* 1) Бояре и городская община... С. 227; 2) Галицко-Волынская Русь... С. 269.

23. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 474. В данном контексте это известие было отмечено еще И. Д. Беляевым: *Беляев И. Д.* Земский строй на Руси. СПб., 2004. С. 52. О значении слова «люди» см.: *Покровский С. А.* Общественный строй древнерусского государства // Труды Всесоюз. заоч. юрид. ин-та. М., 1970. Т. 14 С. 61. О событиях 996 г. см.: ПСРЛ. Т. 1. М., 2000. Стб. 126. О датировке данного известия см.: *Кучкин В. А.* Ранние свидетельства о сотских и сотнях // Древняя Русь: Вопросы медиевистики, 2006, № 1 (23). С. 10.

24. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 656-657.

25. Правда, в данном случае может показаться, что Ярослав принудил галичан принять неугодное им решение (хотя сам факт приведения их к кресту уже говорит о том, что князь видел в них силу, способную распоряжаться местным княжением). Уже вскоре, «по смерти» старого князя, галицкие мужи—вечники выгнали из Галича Олега Ярославича, а вместо него посадили у себя на княжение его брата Владимира, с которым у них на сей счет была особая договоренность. При этом летописец особо подчеркивает, что галичане с Владимиром тем самым нарушили недавнее крестоцелование (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 657). Но едва

ли их так заставила поступить лишь сама смерть Ярослава. В той же летописи читаем, что перед изгнанием Олега «бысть мятежь великъ в Галичеи земли» (там же). Таким образом, Олег, возможно, фактически управлявший землей еще в последние дни жизни своего умирающего отца, успел вызвать гнев не только горожан, но и волощан. При этом, как справедливо отметил А.В. Майоров, летописец явно трактовал изгнание Олега именно как результат реакции горожан на общеволостное недовольство его политикой (*Майоров А.В.* 1) Бояре... С. 228; 2) Галицко-Волынская Русь... С. 276). Дело тут не в народолюбии горожан. Известно, что еще в 6684 (1176) г. на Руси казалось естественным, что «на что же стареишии [города] сдумаютъ, на томъ же пригороды стануть». Причем уже тогда эта традиция считалась идущей едва ли не «из начала» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 378). Поэтому произвольное вмешательство князя в управление «землей» и вызвало гнев галицких вечников, не желавших самим терять власть над волостью, точно так же, как «не блюение» князем новгородских смердов еще в мае 6644 (1136) г. разозлило новгородцев, стремившихся самим управлять своей землей (НП. С. 24, 209. *Алексеев Ю.Г.* «Черные люди» Новгорода и Пскова (к вопросу о социальной эволюции древнерусской городской общины) // *ИЗ. М.*, 1979. Т. 103. С. 260). Правда, П.С. Стефанович почему-то объявил вечное изгнание Олега Ярославовича не вечевым, а дружинным (*Стефанович П.С.* Отношения князя и знати... С. 206). Но, как мы уже отмечали выше, такие понятия, как «княжьи мужи» и «галичане», не являлись синонимами. При этом изгнание Олега было, как известно, далеко не единственным случаем распоряжения галичанами–вечниками своим княжеским столом. В домонгольский период правом изгнания и призвания князей, а также участия в обсуждении вопросов престолонаследия обладали вече всех русских городов (*Толочко П.П.* Древний Киев. Киев, 1983; *Лимонов Ю.А.* Владимиро-Суздальская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1987). Некоторые авторы даже считают, что вече в домонгольской Руси было высшим органом власти (*Фроянов И.Я.* Киевская Русь. Очерки социально-политической истории; *Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю.* Города-государства Древней Руси; *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь...). Но эта позиция в значительной мере основана на известиях о формальном соучастии веча в государственном управлении, что само по себе не обязательно говорит о его реальном всеисилии, а также односторонней трактовке социальной активности «воев», хотя, как показывает внимательный анализ источников, последние далеко не всегда составляли лишь вечевое ополчение, но включали также и дружину (*Лукин П.В.* Древнерусские «вои»...). Существует также мнение о своеобразном равновесии княжеской и вечевой властей в домонгольской Руси, с периодами относительного усиления то княжеской, то вечевой позиции (*Толочко П.П.* Древний Киев; *Лимонов Ю.А.* Владимиро-Суздальская Русь. Из работ по Галицкой земле см., напр.: *Котляр Н.Ф.* Князь, бояре и вече...). Еще А.Е. Пресняков резонно писал, что «если правы историки права, что вече, а не князь должно быть признано носителем верховной власти древнерусской политии-волости, то, с другой стороны, элементарные нити древнерусской волостной администрации сходились в руках князя, а не вече или каких-либо его органов. В этом оригинальная черта древнерусской государственности... видна как и зависимость князя от вече, так

и малая дееспособность вече без князя... Известные нам проявления силы и значения вече носят всецело характер выступлений его в чрезвычайных случаях. Властно вмешивается оно своими требованиями и протестами в княжое управление, но не берет его в свои руки» (*Пресняков А.Е.* Княжое право в Древней Руси. М., 1993. С. 399).

26. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 747, 789.

27. Там же. Стб. 657.

28. Словарь древнерусского языка. Т. III. М., 1990. С. 98-99.

29. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 659-660.

30. Историографию данного вопроса см.: *Майоров А.В.* 1) Бояре и городская община... С. 229, 240 (примеч. № 24); 2) Галицко-Волынская Русь... С. 276. Ныне это же мнение высказал П.П. Толочко (*Толочко П.П.* О «крамоле безбожных бояр галичских» // *Київ Русь. Выбрані твори 1198-2008 рр.* Київ., 2008. С. 339).

31. Историографию данного вопроса см.: *Майоров А.В.* 1) Бояре и городская община... С. 229, 240 (примеч. № 25); 2) Галицко-Волынская Русь... С. 276. Собственно, на подобном подходе к источникам основана и гипотеза самого А.В. Майорова о некой особой боярской думе в Галиче (*Майоров А.В.* 1) Бояре и городская община...; 2) Галицко-Волынская Русь...). Впрочем, искусственность последней убедительно показал А.В. Журавель (*Журавель А.В.* О школе И.Я. Фроянова (размышления о будущем) // <http://www.hrono.ru/statii/2003/shkola.html>). Между тем, в древнерусских источниках отмечены случаи вневечевых совещаний князя со своими «мужами» – дружинниками, но именно с ними, а вовсе не с отдельной группой земских бояр. Показательно прозвучавшее в 1154 г. требование княжеских приближенных, чтобы князь, перед тем как сел на княжение, утвердился в городе с вечевыми «людьми». Причем и дружинники, и городские вечники всех слоев в данном контексте имели отношение все к тому же городу, но были разделены как разные социально-политические категории (*Беляев И.Д.* Земский строй... С. 52). Отдельной легитимной постоянной думы земских бояр и князя не известно и в других русских землях. В том же Новгороде вече все-таки считалось единым, и простые люди, даже если они и вправду выступали только с концов, имели формально отношение и к городским дворищенским постановлениям государственной значимости (*Янин В.Л.* К хронологии...; *Андреев В.Ф.* О социальном составе... С. 74).

32. *Майоров А.В.* Бояре и городская община... С. 240 (примеч. № 28). О значении слова «люди» см.: *Покровский С.А.* Общественный строй древнерусского государства // *Труды Всесоюз. заоч. юрид. ин-та.* М., 1970. Т. 14 С. 61.

33. ПСРЛ. Т. 1. Стб. 209-210.

34. Правда, некоторые ученые отказывают древнерусскому вече в праве считаться «политико-юридическим институтом» и объявляют его неким стихийным проявлением социальной активности населения. Речь, прежде всего, идет о работах П. В. Лукина, где эта мысль получила наибольшее обоснование: *Лукин П.В.* 1) Вече, «племенные» собрания и «люди градские»...; 2) О так называемой многозначности...; 3) О социальном составе...; 4) Вече: социальный состав... В то же время, как постоянно отмечает сам П.В. Лукин, древнерусское вече при этом имело четкий постоянный социальный состав – главы всех свободных светских городских семей – «люди градские», что уже было ранее обо-

сновано в работах А.В. Майорова (см. примеч. № 9), которого П.В. Лукин, однако, объявил адептом общевосточного народоправства (*Лукин П.В. О социальном составе... С. 166*). При этом участие «людей градских» – вечников в управлении государством признается П.В. Лукиным вполне «легитимным» (*Лукин П.В. Вече, «племенные собрания»... С. 130*). Это уже противоречит тезису того же автора о нелегитимности вечевой деятельности. Кроме того, у веча были вполне четкие функции – «изначала» управлять пригородами. В этом плане известное сообщение Лаврентьевской летописи под 1176 г. историк рассматривает традиционно (*Лукин П.В. О так называемой многозначности... С. 47-50*). Таким образом, из его работ выходит, что древнерусское вече, вероятно, не было «институтом», тем более в современном значении, но было легитимным органом власти и воспринималось таковым современниками. Трудно согласиться и с Ю. Гранбергом, что древнерусское вече вообще (а значит, надо думать, и галицкое в частности) даже формально не считалось политической силой (*Гранберг Ю. Вече в древнерусских письменных источниках: функции и терминология // ДГВЕ. 2004 г.*). Впрочем, Ю. Гранберг сознательно опирался лишь на те известия, где прямо написано само слово «вече», причем даже в этих случаях занимался лишь этим словом, не придавая достаточного значения реальной социальной активности самих горожан – вечников (о методологии его труда подробнее см.: *Лукин П.В. Терминологический анализ: плюсы и минусы (по поводу монографии Юнаса Гранберга о древнерусском вече) // СР. Вып. 8. М., 2009*).

35. *Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю.* Города-государства Древней Руси. С. 154. «Без князя город [Галич] и земля жить не могли», - заключает и П.П. Толочко (*Толочко П.П. О «крамоле...» С. 340*). Ныне высказываются мысли о том, что князь являлся жизненно необходимым элементом даже в «вольной в князьях» Новгородской республике. Причем этот тезис выдвигают не только те ученые, которые настаивают на отсутствии в домонгольской Руси сильных классовых противоречий (см. например: *Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 2003. С. 7*). В значительном смысле это перекликается с выводами А.Е. Преснякова о том, что «видно, как и зависимость князя от веча, так и малая дееспособность веча без князя... Известные нам проявления силы и значения веча носят всецело характер выступлений его в чрезвычайных случаях. Властно вмешивается оно своими требованиями и протестами в княжее управление, но не берет его в свои руки» (*Пресняков А.Е. Княжее право... С. 399*).

36. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 656-657.

37. Там же. Стб. 656.

38. *Майоров А.В.* Бояре и городская община... С. 227.

39. Церковь на Руси имела четкую внутреннюю иерархию, что проявлялось и в распоряжении княжениями. Еще в 1096 г. казалось естественным, чтобы русский князь утверждался на княжение с благословения высших церковных иерархов (*Бибииков М.В.* Русь и Византия: встреча культур. (Обзор новейшей отечественной историографии) // Русь между Востоком и Западом: культура и общество X-XVII вв. М., 1991. Ч. III. С. 23). Так что русскую церковь 1187 г. вовсе не надо считать буквальной демократией «всех» священнослужителей.

40. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 656.

41. *Бибиков М.В.* Русь и Византия... С. 23. Это применимо ко всем регионам Руси. В Новгороде, например, согласно летописям, волостные представители появлялись лишь в тех случаях, когда новгородцы призывали к силовому разрешению конфликта с князем или иным государством. Правда, уже в составленной 28 января 1323 г. договорной грамоте Новгорода с Ливонским орденом о военном союзе упомянуты также «подданные»/underdanen (нем.) новгородцев (Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. № 37. С. 65. Перевод см.: там же). Но не ясно, кто эти подданные – волошчане или боееспособные «дети» «градских мужей» новгородских. И какова их роль – как формально особой, но явно подвластной городу политической силы или лишь боевых пособников горожан–вечников. Еще под 6684 (1176) г. встречаем такое показание русского современника: «Новгородци бо изначала, и смоляне, и кыяне и полочане и вся власти како на дому, на веча сходятся, на что же старейшии [города] сдумают, на томъ же пригороди стануть» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 370-378). Это вовсе не свидетельство формального участия волошчан в управлении всей землей при лидерстве города (*Фроянов И.Я.* Киевская Русь... С. 158; *Лукин П.В.* О так называемой многозначности... С. 50). В летописях известны случаи эпизодического присутствия волостных делегаций в некоторых городах Руси при передаче княжения по наследству. Постепенное их затухание предполагает видеть в них фактически изжитые племенные пережитки, поэтому они могли мыслиться идущими «изначала». Но в данном случае сама конструкция фразы склоняется к наиболее ясному варианту ее прочтения. Оба ее компонента логически дополняют друг друга. Летописец вовсе не рассуждал, мол, формально на Руси общеволостной строй, но реально правит город. Источник четко гласит как о давности проходивших вне главного города волостных сходов местной значимости, так и о давнем господстве главного города над землей: *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь... С. 36.

42. *Щанов Я.Н.* Государство и церковь Древней Руси X-XIII вв. М., 1989. С. 124. В Новгороде, например, имя города однозначно носили лишь светские категории (см. например: «много гадавшие посадники и тысячкой и весь Новград, игумени и попове» // НЛД. С. 179).

43. Данная «боярская вакханалия» общепризнана: *Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю.* Города-государства Древней Руси. С. 153.

44. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 789.

45.. Там же. Стб. 747.

46. *Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю.* Города-государства Древней Руси. С. 154. *Журавель А.В.* От государства к волости (<http://www.hrono.info/statii/2003/volost.html>). При этом А.В. Журавель не ссылается на своих предшественников, а лишь кратко объявляет в начале работы: «Представленный здесь взгляд, совпадая в основных чертах с концепцией И.Я. Фроянова, не во всем с ней согласуется, так как учитывает и мои собственные изыскания в древнерусской истории. В частности, именно поэтому представленные здесь древнерусские датировки в ряде случаев отличаются от традиционных». (Там же. Примеч. 1). Впрочем, это во многом объяснимо особенностями жанра статьи, оформленной не только как научный труд по древнерусской истории, но и как политическая публицистика.

47. Собственно, теория о принципиально особом влиянии внешней угрозы на усиление полномочий бояр Юго-Западной Руси не основана на изучении самого этого влияния (*Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю.* Города-государства Древней Руси. С. 154; *Журавель А.В.* От государства к волости). Это была лишь попытка объяснить мощь галицких бояр в первой трети XIII в. Хотя анализ конкретных фактов галицкой жизни убедил тех же И.Я. Фроянова и А.Ю. Дворниченко в принципиальной схожести уровня общественного развития городов Юго-Западной Руси с прочими Русскими землями (*Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю.* Города-государства Древней Руси. С. 103-156. Об этом моменте в их концепции см. также: *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь... С. 84-85). На схожесть многих значимых явлений веховой жизни Галича и других городов Руси постоянно указывает и А.В. Майоров (*Майоров А.В.* 1) Бояре и община...; 2) О составе участников...; 3) Галицко-Волынская Русь...). О том, что тот же Новгород не отставал от Галича в социальном развитии, говорит и сопоставление присутствия тамошних волостных делегаций при управлении государством (см. примеч. 41).

48. ПСРЛ. Т. 1. Стб. 378.

49. *Лимонов Ю.А.* Владимиро-Суздальская Русь. С.135-138.

50. ПСРЛ. Т. 1. С. 377-378. Немного иначе трактует это известие П.В. Лукин. По его мнению, летописец оправдывал именно владимирцев, вовсе не считая при этом Владимир бесправным «пригородом». Поэтому якобы недаром Ростов с Суздалем оказались не включены в перечень городов «старейших» (*Лукин П.В.* О так называемой многозначности... С. 50). Да, безусловно, явная симпатия владимирского сводчика XII в. была именно на стороне родного города. Достаточно сказать, что «правде» Ростова и Суздаля он противопоставил «правду Божию» владимирцев (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 378). Но отказывать Ростову и Суздалю в статусе «старейших» городов при этом не стоит. Ведь традиции того времени на примере других «старейших городов» Руси (Новгорода, Киева, Смоленска и Полоцка) в данном случае были упомянуты именно в качестве пояснения к притязаниям «старых городов» Ростова и Суздаля на господство над «пригородами». Как в иных русских землях «на что же старейшии [города] сдумают, на томъ же пригороди и стануть», так и здесь ростовцы и суздальцы хотели сами распоряжаться в своей земле. Другое дело, что, по мнению летописца, в данном конкретном случае такая традиция проявилась явно не к месту, сковывая «правду Божию» «нового» города Владимира. К сходным наблюдениям пришел еще В. Т. Пашуто (*Пашуто В.Т.* Черты политического строя... С. 45).

51. *Лимонов Ю.А.* Владимиро-Суздальская Русь. С.136-138.

52. Правда, формально северо-восточные небоярские горожане-вечники продолжали участвовать в общественной жизни и после нашествия Батгя. В 6801 (1293) г. тверские черные люди и бояре формально клялись друг другу не сдавать монголам родной город (ПСРЛ. Т. 18. М., 2007. С. 82). Едва ли это стоит принимать за проявления подлинных договорных отношений между элитой и плебсом (*Тихомиров М.Н.* Средневековая Москва. М., 1957. С. 93; *Кривошеев Ю.В.* О средневековой русской государственности (к постановке вопроса). СПб., 1995. С. 45). Повествуя о событиях 6797 (1289) г., та же летопись сообщает об участии в избрании тверского епископа лишь местной княжеской

четы, боярства и духовенства (ПСРЛ. Т. 18. С. 82). Воля небоярских слоев вечников не была учтена даже формально. Подобная картина в то время не была уникальной. См. сходную по своей социальной сущности преамбулу грамоты Рижского архиепископа Смоленску 1281-1297 гг.: *Гильдебранд Г.* Немецкая контора в Полоцке // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Т. II. Рига. 1879. С. 45.

53. *Янин В.Л.* Берестяная почта 2005 г. // Вестник Российской Академии наук. Т. 76. № 3. 2006.

54. НЛ. С. 21, 205.

55. НЛ. С. 21, 205. Об участии всех слоев горожан в этом возглавляемом боярством межрайонном конфликте писал недавно А.В. Петров: *Петров А.В.* От язычества... С. 113.

56. См., напр.: *Майоров А.В.* Бояре и городская община... Правда, при этом ученый говорит о значительной роли рядовых вечников, ссылаясь на то, что расправа над неугодными боярами осуществляется не только остальными боярами, но и вечем в целом. Но это вовсе не означает подлинной небоярской вольницы. Чаще всего летопись фиксирует конечную принципиальную солидарность большинства, что вовсе не исключает социального неравенства при подготовке зафиксированных в источнике конечных решений. Кроме того, необходимо учесть, что мы имеем дело с эпохой политической раздробленности с естественно вытекающим ощущением относительного внутреннего ментального единства своего города в системе других русских земель (в этом плане и жители чужих городов тоже мыслились относительно единой массой).

57. Кроме вышеуказанной теории А.В. Майорова об особой боярской думе (см. примеч. 31), надо учесть также мнение того же ученого об отсутствии в Галиче вечевых партий (внутривечевая борьба, по мнению автора, по сути дела сводилась к противостоянию общегородского большинства с отдельными боярами – «раскольниками»). Но ошибочность данного взгляда убедительно показал А.В. Журавель (*Журавель А.В.* О школе И. Я Фроянова...).

